

© С.С. Алымов, Ю.И. Семенов

Неоконченное интервью¹

Ключевые слова: история этнографии, Ю.И. Семенов, история первобытного общества, первобытность, философия в СССР

Интервью С.С. Алымова с философом, этнографом и историком Ю.И. Семеновым посвящено биографии этого выдающегося исследователя. Оно является неоконченным, так как продолжению беседы помешала кончина ученого. Семенов подробно рассказывает о своем детстве, интересу к истории и становлению его как философа и специалиста по первобытной истории в университетах Красноярска и Томска. Интервью обрывается на рассказе о защите диссертации в Институте этнографии АН СССР и выходе книги «Как возникло человечество».

С.А.: Юрий Иванович, здравствуйте! Спасибо, что согласились дать мне интервью. Вы — человек-легенда, интервью с вами украсит наш журнал.

Ю.С.: Здравствуйте, спасибо!

С.А.: Давайте начнем с вашей биографии, семьи, ваших предков и родителей. Что бы вы могли о них рассказать?

Ю.С.: Мой отец, Семенов Иван Иванович, родился в крестьянской семье в Камышовском уезде. Это Урал, на тот момент, по-моему, Пермский край, а потом Свердловская область, точнее губерния. Отец родился в 1900 или в 1901 г., есть некоторые неясности. До революции он работал в деревне. Во время революции он был уже взрослым человеком, сражался на стороне красных в составе кавалерийской дивизии. Я до сих пор помню, как смотрели его фотографии, и одна из них была снята в 1919 или 1920 г. На этом снимке

Семенов Юрий Иванович (1929–2023) — советский и российский философ, этнолог, историк д.и.н.

Алымов Сергей Сергеевич — старший научный сотрудник ИЭА РАН alymovs@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>.

Для цитирования: С.С. Алымов, Ю.И. Семенов. Неоконченное интервью // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С. 158–173, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/158-173>

¹ Интервью состоялось 19 марта 2023 г. Была договоренность о продолжении разговора через несколько дней, но он не состоялся, так как Юрий Иванович попал в больницу, и 26 апреля 2023 г. его не стало. Мы публикуем это неоконченное интервью в память о выдающемся ученом. Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

он со своим товарищем из кавалерийской дивизии, и там было сказано, какая именно дивизия. Фотография пропала, иначе бы сейчас я легко установил, какая это была дивизия: у меня есть знаменитая «Энциклопедия Гражданской войны», где описана судьба всех кавалерийских и стрелковых дивизий Красной армии. После Гражданской войны он уже не вернулся в деревню: работал железнодорожником в начале на рядовых должностях, а потом дослужился до среднего состава.

Что касается матери — Яковлева Антонина Ефимовна — она значительно моложе отца, родилась в 1908 г. Она одна из первых в моем роду, кто получил среднее девятиклассное образование. По-моему, она поступила в Педагогическое училище, но потом ее карьера оборвалась отчасти из-за меня, поскольку в 1929 г. родился я. Ей был тогда 21 год. Кроме того, в то время железнодорожники были на военном положении. Где-то в 1930-е годы ЦК ВКП(б) стал принимать меры к тому, чтобы пополнить большевиками личный состав пограничных украинских станций. Были выделены кадры, и мой отец попал в состав этих кадров. Последняя его должность на Урале в Свердловске — заместитель начальника станции «Свердловск пассажирский». Когда он попал на Украину в составе этой группы преданных большевистских кадров, точно не помню, но кажется он работал заместителем начальника станции Каменец-Подольский². Это знаменитый город. Был такой писатель В.П. Беляев, автор замечательного романа «Старая крепость» о гражданской войне на Украине. Роман великолепный! Но я не знаю, был ли там сам мой отец, потому что в его бумагах я не нашел подтверждения. Знаю только одно: он был заместителем начальника станции Новоград-Волынский³ и проработал примерно год, а позже его назначили начальником станции Яблонец⁴. Когда отец стал начальником станции Яблонец, станция была разорена во времена Советско-польской войны, и от вокзала остались только руины. Все железнодорожные операции проводились в пассажирском вагоне, который стоял на перроне. Там был кабинет начальника станции, дежурных по станции, зал ожиданий, билетная касса и прочее. Мой отец усиленно занялся возрождением вокзала. Вокзал был восстановлен, а старый вагон, в котором помещались все пассажирские и грузовые службы, был отвезен по железной дороге и сброшен под откос.

Я ничего не помню, что было со мной в Свердловске. Какое-то видение, что мы с матерью стояли на проспекте и вокруг автобусы ездили, и все. Я начинаю себя помнить со станции Яблонец. Помню возрождение этого вокзала, многое помню, как мы жили в доме железнодорожников. Дальше отца перевели обратно в Новоград-Волынский, на этот раз начальником станции Новоград-Волынский. И начиная примерно с 1933 по 1937 г. он был начальником этой станции. Помню, когда совсем недавно в сводках появилось упоминание «Новоград-Волынский», наши уничтожили эту станцию, я вспомнил, что отец был там начальником станции. Там шли огромные работы по созданию укрепрайона, были гигантские котлованы, где бегали всевозможные узкоколейные поезда и прочее. Мы все это наблюдали. Туда приезжал нарком

² Каменец-Подольский (укр. Кам'янець-Подільський) — город в Хмельницкой области Украины.

³ Ныне г. Звягель (укр. Звягель), в 1795–2022 гг. — Новоград-Волынский, (укр. Новоград-Волинський) — город в Житомирской области Украины.

⁴ Яблонец (укр. Яблунець) — поселок городского типа в Емильчинском районе Житомирской области Украины.

обороны [Климент Ефремович] Ворошилов и его заместитель [Семен Михайлович] Буденный. Помню день, когда они прибывали в Новоград-Волынский. Мой отец должен был встречать этих уважаемых людей, но у него на работе не было красной фуражки, как полагалось. Он позвонил домой матери, чтобы она дала красную фуражку, и я принес ее отцу на перрон. Меня задерживали, спрашивали: «Куда ты, мальчик?». Я говорил: «Иду на станцию к отцу и несу красную фуражку для встречи Ворошилова и Буденного». Мне разрешили остаться на перроне. Подошел поезд, там было несколько вагонов и платформы. С платформ соскочили легковые машины, на них сели Ворошилов и Буденный и поехали инспектировать. Так что я видел и Ворошилова, и Буденного. Потом отец работал начальником станции. И семья его поражала тамошних жителей. Многих удивляло, что пани начальника сама моет посуду, прибирает, полы моет, стирает белье, в то время как могла бы привлечь на помощь жен работников станции. Такое отношение там было, далеко не советское.

В 1936 г. отца направили в Центральную эксплуатационную школу (ЦЭШ). Это школа повышения квалификации командных кадров железных дорог, к тому времени окончательно переведенных на военное положение. Ну, а дальше что было? Закончились все эти подготовки, и к ним приехал Лазарь Моисеевич Каганович, нарком путей сообщения. Кажется, он же был секретарем ЦК ВКП(б)⁵. На эти курсы съезжались люди со всего Союза. Лазарь Моисеевич всех порадовал тем, что по решению ЦК и Правительства создаются две новые железные дороги: Красноярская и Амурская. Половина выпускников ЦЭШ едет на Амурскую дорогу, а другая — на Красноярскую. Сами понимаете, никто не осмелился отказаться. Это был 1937 год, строжайшая дисциплина, а кроме того, еще и начало знаменитого Большого террора. Попробуй-ка только откажись. В результате отец получил назначение на Красноярскую дорогу, и мы из Украины перебрались в Сибирь. Отец очень жалел, сами понимаете, одно дело Сибирь, а другое — Украина с ее яблоками и грушами. На станции был гигантский сад, за которым ухаживали работники и использовали для себя — продавали урожай посторонним. Пришлось ехать. В 1941 г., когда Новоград-Волынский был занят немцами через несколько дней после начала войны, отец сказал: «Мы бы даже не успели эвакуироваться». Так бы и остались под немцами. Нам страшно повезло!

Отец до самой смерти работал на Красноярской железной дороге. Вначале в Ачинске-1, это железнодорожная станция на Транссибе. Вскоре он был назначен начальником станции Абакан, в столице Хакасии. Там я пошел в школу, но проучился не очень долго, потому что через год отца назначили начальником станции Ужур, и мы переехали. Там я учился, начиная со второго класса. Дальше пошло: отец назначен начальником Ачинск-1 до 1941 г., а в 1941 г. — начальником станции Мариинск, одной из самых сложных и трудных станций Красноярской дороги. Эта станция была настолько важна, что начальника станции Мариинск назначал нарком путей сообщения, а не начальник дороги. Ее так и называли — «наркомовская станция». Это где-то было до 1943 г.

Затем отца перевели начальником станции Боготол, где я впервые проучился три года подряд. Там я окончил школу в 1947 г., и встала проблема

⁵ Л.М. Каганович был секретарем ЦК ВКП(б) в 1924–1925 и в 1928–1939 гг.

выбора ВУЗа. К тому времени были сложности с финансами, потому что в Мариинске, когда мне было 12–13 лет, умерла мать. Отец женился второй раз. Нас с матерью было еще трое иждивенцев. Когда она умерла, попросили приехать бабушку, и число иждивенцев увеличилось, а когда отец женился второй раз, то еще добавились иждивенцы, тем более позже родилась дочь. Один работник кормил где-то семерых. Это было сложно. В таких условиях решался вопрос, где мне учиться. Было ясно, что обеспечить меня отец не мог, но хотел, чтобы я поступил учиться в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Это было военное училище, и студенты были на полном государственном обеспечении. Но мне повезло. В том же 1947 г. отца назначили начальником станции Красноярск, и передо мной открылся путь в любой из тех институтов, которые были в Красноярске. В числе этих институтов был, конечно, и Красноярский педагогический институт с шестью факультетами. Я выбрал исторический факультет, хотя неплохо разбирался и в физике, и в математике. У нас в боготольской школе было плохо с физикой и математикой, потому что все физики и математики были призваны в армию. В 1941 г. я окончил четыре класса, перешел в неполную среднюю школу, и нас перевели в новую огромную четырехэтажную великолепную школу. В первый же день учитель физики показал нам великолепный физический кабинет, познакомил с некоторыми опытами. Мы были в восторге! Но через две недели он ушел в армию, а заменить было некем. Уже позже догадались, что в другой железнодорожной школе... В каком смысле это были железнодорожные школы? Они подчинялись не наркомату просвещения, а наркомату путей сообщения. Была другая школа, где преподавал физику великолепный учитель. Я с ним подружился и помню до сих пор, как он встретил меня в Красноярске и спросил: «Как у Вас там на физмате?». Я сказал: «Иван Петрович, я ведь пошел не на физмат, а на истфак!». Он вздохнул и сказал: «Вы себя погубили!». Так что я учился на историческом факультете.

Ю.И. Семенов. 1973 г.

// Из личной коллекции Л.Ю. Семеновой.

С.А.: Юрий Иванович, а вы больше чем интересовались в школьные годы?

Почему вы выбрали именно исторический факультет?

Ю.С.: Вы знаете, больше я увлекался историей. Дело в том, что у нас в семье была хорошая библиотека исторических романов. Был такой писатель [Даниил Лукич] Мордовцев. Наверное, вы никогда не слышали про него. Не самый лучший писатель, но написал сотню исторических романов из жизни России и не только. Почти не было такого события в истории России, которое не было бы описано в его романах, повестях и рассказах. Эти романы были у нас в библиотеке. Я их читал. Только про эпоху Петра шесть романов! Один роман назывался «Правительница Софья и царь Петр», другой «Царь и гетман», имелся в виду, конечно, Мазепа. И еще несколько. Были и романы из эпохи Екатерины II, Анны Иоанновны, о Куликовской битве, из эпохи Ивана III Великого, которого при жизни называли «Грозным». Но, надо сказать, к внуку перешло это название. Иван III, действительно, был великим. Он создал Россию, став правителем всей Руси из правителя княжества Московского. Подчинил себе Тверское княжество, Новгородскую и Псковскую республики и еще одну, которая сейчас носит название города Кирова, а тогда она называлась Хлыновская республика. Ему подчинились и Рязанское, и Тверское княжества. Так что он создатель России, при нем она стала великой державой. Кроме того, он избавил страну от татаро-монгольского ига. По-настоящему самый великий правитель до Петра.

С.А.: Ваш интерес к истории произошел из этих романов?

Ю.С.: Да-да-да, но не только. Обычно Мордовцев писал скучно, но очень точно, без лжи. Кроме того, были романы из истории Древнего Египта и Палестины. Был роман «Царь Ирод», один из интереснейших. Был роман «Последние дни Иерусалима» о взятии Титом Иерусалима после восстания 60-х годов н.э. Много интереснейших романов написал. Я, конечно, интересовался историей. Был когда-то такой писатель [Василий Иванович] Немирович-Данченко. Вы, конечно, помните Немировича-Данченко, только не этого, а великого режиссера. Так вот, у него был родной брат, с которым разошлись пути после революции. Режиссер остался в Советской России, а писатель эмигрировал в Чехословакию и жил там до самой смерти. Он был автором многих романов, особенно посвященных завоеванию Кавказа. У Мордовцева тоже был неплохой роман «Железом и кровью» об истории завоевания Кавказа генералом Ермоловым. Не так это было просто. Железом и кровью покоряли Кавказ. У Немировича-Данченко великолепные два романа о покорении Кавказа: «Горные орлы» и «Горе забытой крепости». Кстати, они позже были переизданы во Владикавказе, то есть на Кавказе. Прекрасные романы. Все это я читал в детстве. Кроме того, еще была любопытная книга: в конце XIX в. в России была необычайная мода — гимназисты бежали в Америку. Это было какое-то наваждение. Тогда Немирович-Данченко написал роман «Очерта голову. На краю гибели. Правдивая повесть о том, как Володя Стрепетов бежал в Америку» об истории гимназиста третьего класса, который, читая Фенимора Купера и прочих, всю жизнь мечтал об Америке. В итоге он скопил денег и сбежал. Однако он был ни на что не пригодным маменькиным сыночком. В романе попутно рассказывается об истории городов: о Нижнем Новгороде, взятии Казани, Дербенте и прочих. Тем более, что отец Немировича-Данченко был военным комендантом Дербента. Он сам в детстве помогал кавказским горцам бежать из тюрьмы вопреки отцу. Всякое было.

Я увлекался историей. Физика и математика мне нравились, но история

все-таки больше. Когда я закончил первый курс, получил Сталинскую стипендию. Таких стипендий на весь институт было всего две. Я получил одну из двух стипендий! Потом каждый год мне присуждали эту Сталинскую стипендию. Одно время даже был заместителем секретаря комитета комсомола, а когда со секретарем случилась беда, то был избран на должность секретаря.

Полгода я был комсоргом. Дело в том, что я был не просто человеком, занимающим общественное положение, а я получал зарплату. У меня организация была из 700 человек! Я пытался выполнять обязанности по-честному. Меня вызывали в райком, предлагали сделать то-то и то-то, а я говорил, что это чепуха никому не нужная. Так было несколько раз. Так и пошла слава, что я один из комсоргов, который отказывается подчиняться райкому комсомола. Я был против комсомольского партийного руководства, как это было в 1920-е годы, когда ленинградский комсомол выступил против партии. Меня могли наказать исключением из комсомола и партии. Мне повезло. Вызвали к первому секретарю райкома комсомола Березину. Он был секретарем Мариинского горкома комсомола и принимал меня в комсомол. Я ему показал комсомольский билет с его подписью, а он вспомнил моего отца, которого знал как прекрасного работника. В итоге все заглохло. Но я не знал, как оттуда выбраться, потому что понял, что это сплошная ерунда.

Конечно, я думал в те годы, что получу диплом преподавателя истории и, вероятно, меня оставят в институте при кафедре истории. Однако в последний год сменился ректор, специальность которого была не история, как у предыдущего, а философия. Наш исторический факультет не был богат людьми со степенями. Когда я туда поступил, на всем факультете было только два кандидата исторических наук, и то, вероятно, это произошло либо в год моего поступления, либо годом раньше. Один из них, Степынин, стал деканом факультета и заведующим кафедрой истории СССР. Другой, Блинов Андрей Иосифович, стал заведовать кафедрой всеобщей истории. Удивительный был человек. От него я и узнал об этнографии как науке. Дело в том, что он участвовал в Великой Отечественной войне, под Сталинградом лишился ноги, прошел госпиталь, но поступил в аспирантуру в Институт этнографии. Там защитил диссертацию на тему «Маорийские войны», это в Новой Зеландии. Эта работа была опубликована в трудах Института этнографии (Блинов 1957: 3–86) В порядке распределения его послали в Красноярский педагогический институт. В какой-то степени это нарушило его семейную жизнь, потому что жена приехала в Красноярск и заявила, что жить там не будет, оставила ему дочь и уехала в Москву. Дочь осталась фактически на калеку, лишённой ноги. Блинов почему-то заинтересовался мной, приглашал к себе. Квартира его была в том же крыле, в котором проходили занятия. Во время бесед с ним, я узнал, что книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» во многом ошибочна, потому что построена на работе Моргана «Древнее общество». Выяснилось, что многие построения Моргана ошибочны, и об этом у нас было сказано в трудах этнографа Александра Михайловича Золотарева. Вы знаете его печальную судьбу?

С.А.: Я забыл, он погиб в лагере или на фронте?

Ю.С.: Когда создавались ополченские дивизии, туда брали всех, включая профессоров. Потом спохватились и стали отзывать. Золотарев попал в эти

дивизии и угодил в плен. Его приняли в Красную армию на политическую работу, на воспитание новых бойцов. Но был донос, якобы в лагере он сотрудничал с командованием лагеря. Он был арестован, приговорен к 10 годам лагерей, где и скончался. Еще до войны он работал в Ленинском педагогическом институте и в Ученых записках этого института опубликовал две статьи, где детально разобрал ошибки Моргана и Энгельса (Золотарев 1940а: 144–169. Золотарев 1940б: 27–46). Так как эти печатные работы были редкими, то мало кто знал. Блинов знал об этих статьях. Помню, посоветовал мне прочесть, и я сделал выписки. Так впервые я и столкнулся с наукой, которая называется этнографией. Дело в том, что Блинов был необычайно талантливым и хорошим человеком. Он возбудил интерес к этнографии. Правда, в институте в курсах слово «этнография» совсем не упоминалось. Это было еще в мои студенческие времена.

Я надеялся, что меня оставят в институте, но поменялся ректор. Новым стал Виктор Федотович Голосов⁶. Очень неплохой философ. Он несколько раз со мной беседовал и зародил интерес к философии. Меня это увлекло. Когда я закончил институт, мне и целому ряду выпускников исторического факультета предложили работу в Министерстве государственной безопасности. Меня это совсем не устраивало, пытался избавиться от этого. Однако мне заявили, что МГБ — это передовой отряд партии, а партия — передовой отряд народа, и быть работником МГБ — величайшая честь! Кто отказывается от такой должности, значит скрывает какие-то грехи. К сожалению, все мои попытки отказаться закончились неудачно. Я пожаловался Голосову, и он мне помог, при мне позвонил второму секретарю крайкома партии и сказал: «У нас есть выпускник, подающий большие надежды на то, что станет будущим светилом нашей науки, а его хотят взять в МГБ! Они погубят его научный талант! Прошу подействовать на МГБ!». Секретарь крайкома партии согласился и прекратил это дело.

ЦК КПСС решил внести преподавание общественных наук во все ВУЗы страны без исключения, не только в гуманитарные, как раньше. Срочно нужны были преподаватели. Тогда создали годичные курсы преподавателей общественных наук, которые готовили философов, политэкономов и историков партии. В Сибири эти курсы создавались при Уральском государственном университете в Свердловске, и крайкому партии выделили три места. Как раз одно место по философии попало ко мне, и я поступил на эти курсы преподавателей общественных наук по философии. Год там я работал. Хороший был руководитель курсов, когда-то работавший в ЦК в отделе агитации и пропаганды, а позже его назначили вторым секретарем ЦК компартии Беларуси. Там был убит наш режиссер, который пользовался дурной славой в высоких партийных кругах. И Сталин, когда ему показали киносъемку похорон этого человека, спросил: «Этот толстый мужик, случайно, не Иовчук?»⁷. В результате он был лишен поста и был назначен заведующим кафедрой философии Уральского государственного университета. Университету повезло, это был хороший философ и прекрасный организатор. Когда его

⁶ Голосов Виктор Федотович (1906–1971) — советский философ, специалист по истории философии английского материализма. С 1951 г. работал в Красноярском педагогическом институте ректором, проректором, заведующим кафедрой философии и политэкономии.

⁷ Иовчук Михаил Трифонович (1908–1990) — советский философ и партийный деятель. В 1949–1970 гг. вел научно-преподавательскую работу в Уральском университете, в 1949–1953 гг. заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма.

назначили главой курсов, то он хорошо их организовал. Пригласил крупных философов, коих было немало. Дали нам очень неплохие знания. Но главное, что он сделал — решил провести только экзамены по отделению философии, зная о том, что присланные к нему философы живут в таких городах, где нет никаких кандидатских экзаменов по философии. Он решил, что члены этих курсов, которые пожелают сдать экзамены по философии, могут это сделать в Свердловске в Уральском университете. Там хватало кадров для приема экзаменов. Я, конечно, сдал все кандидатские экзамены, даже по языку. Причем получилась забавная вещь. Я английский язык знал, ну, как сказать, я мог читать по-английски. Я читал очень легко, просто мне нужна была литература английская. Тем более что в Красноярской краевой библиотеке было огромное количество литературы на английском языке. Очень много литературы прислали из США в качестве дара дружественному советскому народу. Там была очень хорошая английская библиотека. И я ее читал. Говорить я, конечно, не умел, грамматических форм тоже не знал, а читал великолепно. И получилась такая история. Мне предложили в качестве первого задания газету на английском языке, сказали: «Вот вам 30 минут. Вы ее прочитаете, и потом переведите нам с английского на русский». Я засмеялся и сказал: «А зачем 30 минут? Я вам сейчас ее переведу с ходу». Они были так поражены этим делом и не стали меня ничего спрашивать, поставили «отлично». И я получил оценку за английский язык «отлично».

В общем я оттуда вернулся, у меня был полный набор кандидатских экзаменов по философии. И я стал работником кафедры философии и политэкономии, которую возглавлял Голосов. Он был ректор института и заведующий кафедрой политэкономии и философии. Человек он был очень неплохой, но надо сказать, немножко ленивый и не очень любил читать курс лекций. И поэтому он спихнул все курсы и лекции на меня. И поэтому я был не ассистентом, а сразу назначен старшим преподавателем. И я стал думать о том, какую диссертацию написать. Ну, в начале я думал вот о чем. Дело в том, что заведующий кафедрой Уральского университета был специалистом по истории русской философии, мне это нравилось, но потом понял, что этого мало. И написал диссертацию, которая называлась «Некоторые проблемы предистории человеческого мышления». Из трех глав: первые две главы — это в основном животный мир, И.П. Павлов и прочее. Но третья глава о том, как стало возникать мышление. Ближайшая кафедра философии, где была защита, это была кафедра Томского государственного университета.

Я подал на кафедру философии Томского университета. В то время не было ученых советов по защите диссертаций. Защита диссертации происходила на ученых советах ВУЗов и факультетов. В Томском университете защита кандидатской диссертации по философии, которая была прикреплена к кафедре философии, происходила на Ученом совете исторического факультета. Вот ее обсуждали на кафедре философии. И выяснилось, что в первых двух главах у меня много новых идей, которых нет даже у Павлова. Надо сказать, что работники кафедры здесь были не специалисты, Павлова они абсолютно не знали. Они пригласили специалиста по высшей нервной деятельности и спросили его: «То, что написал Семенов, это что: выдумки, или это все-таки реальность?» Он ответил: «Все то, что написал Семенов полностью соответствует фактам. Но в павловском учении ничего подобного нет». Тогда они что сделали. Они сказали: «Тогда доработайте диссертацию, уберите все

новое. Тогда она у нас спокойно и пройдет. Потому что мы не специалисты, мы почти все историки, мы кончали не философский факультет, а исторический. И мы не разбираемся в этом деле».

Я вернулся домой и решил простую вещь: написать новую диссертацию. Взять за основу третью главу, где говорилось о возникновении мышления в результате появления труда, а первые две главы убрать. Но эту проблему возникновения труда и общества, а не только мышления, развить до конца. Я, кстати, между прочим об этом сказал Блинову, и он одобрил эту идею. Через две недели я пришел к нему и сказал, что я закончил вторую диссертацию. Он сказал: «Да вы что, с ума сошли?! Написать за две недели кандидатскую диссертацию, когда люди три года пишут диссертацию, и то не получается. Но черт с вами, вы написали, но только об этом никому не говорите». Эта диссертация называлась по-другому. Она называлась «Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)». В итоге диссертацию я представил на кафедру философии Томского университета, они были очень довольны, потому что это было в зоне их интересов, они ее одобрили.

Ю.И. Семенов с супругой Т.Н. Семеновой.
Середина 1950-х годов.

// Из личной коллекции Л.Ю. Семеновой.

С.А. А как вы все-таки ее написали за две недели? Уже была вся готовая конструкция, мысль?

Ю.С. Дело в том, что, во-первых, у меня была готовая третья глава из старой диссертации. И кроме того огромный материал, который я собрал, но который не использовал, только и всего. То есть это не просто было на пустом месте. Это было на одном материале, мне не нужно было заново собирать материал, у меня его было достаточно. Все было вроде благополучно, тем

более что диссертация эта была опубликована в «Ученых записках Красноярского педагогического института». К тому времени, между прочим, вышло указание ВАКа. Во-первых, там впервые было сказано, что чтобы диссертация могла быть защищена, нужно чтобы ее куски были опубликованы. А у меня полностью опубликована. Позвонил в Томск, сказали, что все благополучно. Кафедра приняла ее, рекомендует к защите. К тому времени надо сказать, кое-что в кафедре изменилось. Появился новый зав. кафедрой, очень своеобразная фигура, человек, который когда-то был крупной фигурой на Украине. В 1937 г. он был обвинен в том, что он готовил теракт против первого секретаря компартии Украины (я теперь не помню его фамилию), с тем чтобы его уничтожить. Его арестовали, но через год примерно этого первого секретаря арестовали и расстреляли. И возникает вопрос, как быть-то, если он готовил теракт против врага народа? В общем, в начале 10 лет, потом просто ссылка в Сибирь, а в 1956 г. его полностью реабилитировали. Он был философом, и его назначали зав. кафедрой философии Томского университета.

Он отнесся ко мне очень хорошо и делал все, чтобы мне помочь защитить диссертацию. И за день до защиты он меня предупредил, что на защите у меня пройдет все очень тяжело, не исключен полный провал. Дело в том, что реферат диссертации был разослан, этот реферат был прочитан некой дамой, которая была когда-то деканом исторического факультета Томского университета, преподавала историю первобытного общества, и почему-то ее страшно обозлила моя работа. И она, так сказать, вела работу на факультете (она там была авторитетом), что эта работа абсолютно безграмотная, что человек ничего не знает и не понимает и так далее, и так далее. И настроила почти весь ученый совет против меня. Но надо сказать, что я в этом легко убедился, когда явился на защиту. Председатель совета отнесся ко мне довольно жестоко. Когда я сделал вступительное слово, посыпались вопросы, и председатель совета сказал мне: «Отвечайте, не задумываясь». И потом тут же сразу задали примерно 40 вопросов. Я на них ответил. А надо сказать, что в новом указании ВАКа было сказано, что кандидатская диссертация (это потом отменили) должна представлять новое слово в науке, чтоб высказывались такие положения, которых раньше в науке не было. Потом это сняли и правильно сделали. Кандидатская диссертация не обязана быть абсолютно новой, докторская другое дело. А потом выступила эта мадам. И надо сказать, что она мне во многом помогла. Она заявила, что согласно положению ВАКа, в диссертации должно быть новое. А у автора ничего нового нет. Он повторяет то, что сказано в учебниках, что повторяется 50 лет. А раз так, то он не достоин ученого звания кандидата наук. Это во-первых, а во-вторых, этот человек в своей диссертации высказывает постоянно на каждом шагу новые положения, которых никогда не было нигде, то есть он просто идет против существующей науки. Опровергает всю науку, потому что она читала курсы эти самые, и знает, что такое наука. Так вот он враг науки, и прочее в таком духе. Ну и кроме того сказала, что человек полностью безграмотен, ничего не знает, не понимает и прочее. Еще говорили, что он ссылается на Павлова и о Павлове ничего не знает, приписывает Павлову то, что Павлов никогда не говорил. Это заявила другая мадам, ее соратница.

Надо сказать, что вот этот зав. кафедрой философии был знатоком, так сказать, всевозможных уловок. Дело в том, что когда идет кандидатская или докторская диссертация, то в начале, еще до выступления диссертанта, обычно приводятся все отзывы, которые были присланы на реферат диссертации.

А здесь эти отзывы приведены не были. А о том, что такие отзывы были и в пользу диссертанта, знал один томский антрополог. И он, в конце концов, до моего еще вступления, заявил: «Почему скрывают отзыв Якимова?» Был такой крупнейший антрополог советский Всеволод Петрович Якимов, в то время он работал где-то в Ленинграде, а потом его перевели директором Института антропологии Московского государственного университета⁸. «И почему вот этот отзыв скрывают?» Это еще до моего выступления. То есть не в то время, нужно было раньше и прочее. И вот как раз отзыв Якимова привели перед моим выступлением. Это была, можно сказать, хитрость, придуманная зав. кафедрой философии. А там было сказано, что Семенов, в отличие от других философов, великолепно знаком со всем новейшим материалом по становлению человека, со всеми данными этнографии, археологии и так далее. И это зачитали перед моим выступлением. Ну вот, так что мне было легче отмахнуться от этих дам. Я сказал так, что у этой первой дамы, которая была когда-то деканом факультета, собственно какое-то явное отсутствие логики, потому что, во-первых, она заявила, что автор не добавил ничего нового, повторяет все то, что было давно всем известно, а во-вторых, автор не знает ничего старого, и излагает только новое, то чего никогда не было. Я сказал: «Ну нельзя же с одного вола две шкуры драть!». Надо сказать, в зале раздался громкий хохот и прочее. А потом я коснулся выступления этой дамы, которая занималась Павловым. Она заявила, что у Павлова таких выступлений никогда не было, я сказал: «Как это понять? Вы работаете на кафедре физиологии высшей нервной деятельности, где главный источник — учение Павлова, и вы не знаете важнейших вещей, которые излагаются в третьем томе собрания его сочинений? На странице триста семьдесят четвертой в двух абзацах? Как так можно? Или вы притворяетесь, что не знаете?» Тоже всеобщий хохот. И вот этот отзыв Якимова, а дальше мое выступление довольно долгое... Кончилось тем, что, в конце концов, через три часа диссертация завершилась все-таки моей победой. Где-то три-четыре человека были против, все остальные были за. И потом, когда люди разошлись, они говорили о том, что первый раз присутствовали при защите. Не просто повторении обычных вещей, а при настоящей, в полной мере защите. Так что я получил степень кандидата исторических наук. Я потом узнал, что моя диссертация обсуждалась на совете университета. Там было тридцать «за», восемь «против». Так что все это закончилось для меня более-менее благополучно. Кстати, у нее формально был руководитель, Голосов. Полагалось, что иначе нельзя, но он даже и не видел ее. Ни первую, ни вторую диссертацию. Только и всего.

С.А. И вскоре вы переехали в Рязань?

Ю.С. Рязань — это 1962 год. И надо сказать, что здесь в основном действовали факторы не научные. Дело в том, что моя жена болела базедовой болезнью, щитовидная железа. Лечилась, облегалась, а потом каждый раз все возобновлялось. И однажды я попал к хорошему врачу, с которым и решил посоветоваться. И он мне сказал: «Юрий Иванович, ваша жена в Красноярске никогда не выздоровеет. И нам запрещено говорить об этом, потому что иначе может начаться отход из Красноярска, и поэтому лучше никому никогда об этом не говорить. Если вы хотите, чтобы она осталась жива, вам нужно

⁸ Якимов Всеволод Петрович (1912–1982) — советский антрополог, доктор биологических наук. С 1945 по 1958 г. старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР в Ленинграде. С 1958 г. директор Научно-исследовательского института и музея антропологии МГУ.

немедленно покинуть Красноярск». Я спросил его: а куда мне переехать? Он сказал: «Центральная Россия, могу назвать вам три города: Рязань, Калуга и Владимир. Ни в коем случае не Тамбов, не Саратов, не Орел, потому что это слишком жарко для нее. Она там не выздоровеет. И ни в коем случае не Север: не Кострома, не Тверь, потому что там почвы подзолистые, она тоже не выздоровеет. Но Владимир можно, потому что там спокойная холодная погода, но там огромный клин черноземья, знаменитое Владимирское черноземье, двести километров квадратных, там можно. Так что учтите, вам можно один из трех городов: Рязань, Калуга и Владимир».

Ю.И. Семенов с супругой Т.Н. Семеновой.
Середина 1950-х годов.

// Из личной коллекции Л.Ю. Семеновой.

Вот я стал искать эти города, и в конце концов вдруг, у нас был какой-то неплохой очень инспектор из ЦК, который проверял красноярские ВУЗы по философии, я с ним поговорил в гостинице. Не может ли он помочь мне? И по-видимому, где-то в отделе науки ЦК он об этом поговорил, потому что мне вдруг пришла телеграмма-предложение от ректора Рязанского медицинского института, но только статья не доцентом кафедры философии, а заведующим кафедрой философии. У меня был очень хороший знакомый, Кряжев⁹, когда-то он был заведующим кафедрой где-то на Дальнем Востоке. Потом перебрался в Красноярск, а потом мы даже жили рядом. Я с ним решил посоветоваться, стоит ли соглашаться на заведование кафедрой, потому что у меня никакого желания заниматься властвованиями, так сказать, распоряжаться, не было. Он сказал: «Да ничего особенного, Юр. Ничего особенного. Тебе одно надо знать: никогда не считай себя умнее всех. Если так будет, у тебя никаких конфликтов на кафедре не будет. Вот и все». С тех пор, между прочим, правда я и раньше примерно этим руководствовался, но тем более после этого.

⁹ Кряжев Петр Ефимович (1914–1993) — советский философ и социолог. В 1961–1970 гг. — доцент и заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, затем кафедры истории КПСС и философии Красноярского института цветных металлов и золота имени М.И. Калинина. В 1970–1985 гг. — ректор Коломенского педагогического института.

Он был очень неглупым человеком, потом он был ректором Коломенского педагогического института, между прочим. А до этого заведующим кафедрой философии Красноярского института цветных металлов и золота. Ну вот, мне пришло предложение заведовать кафедрой Рязанского Медицинского института, и, конечно, грех было бы не воспользоваться этим предложением.

Кстати, я потом узнал, в чем тут дело. Дело в том, что в 1953–1954 гг. в городе Красноярск-9 (правда он потом менял номера) было несколько взрывов. Этот город теперь называется Железногорск¹⁰, там урановые рудники и завод по изготовлению атомных бомб. Там несколько катастроф было. В результате чего был заражен Енисей. Об этом я узнал три года назад. Только три года назад это признали, что было в Красноярске. Этот Красноярск, его называли «Девятка». А дело в том, что я там работал. Это большой был город, промышленный город, на рудниках работали заключенные рядовые работники, а все руководство свободное. Там не было советской власти, партсовета не было, районных советов не было, а был политотдел МГБ комбината, вот и все. Для них нужно было создать, как это называется, вечерний институт марксизма-ленинизма. А работников-то у них не было преподавать. И они пригласили красноярских работников, из вечернего университета Красноярска. Я попал туда, мы туда каждую неделю ездили: один философ, один политэконом, один историк партии и преподавали там. Но самое интересное, что в красноярских магазинах была полная пустота. А вот в этой «Девятке» все магазины были забиты всеми продуктами. Я покупал их, конечно, ничего не поделаешь, и мои знакомые поражались, что у нас было и масло, и сахар и т.д. К сожалению, в Красноярске было плохо с продуктами в это время, очень плохо.

Надо сказать, что в Красноярске в 1962 г. напечатали мою работу, которая называлась «Возникновение человеческого общества». Немного-немало, примерно семьсот страниц. Как видите, я продолжил то, что называлась у меня кандидатской диссертацией. Там в скобках было «в связи с проблемой становления общества». А здесь проблема становления стала главной и основной работой. А в 1963 г. я перебрался в Рязань. Сами понимаете, что Рязань это 200 км от Москвы. А Красноярск где-то шесть тысяч километров.

В то время диссертацию можно было защищать в форме монографии. Я представил ее к защите в Институт философии, в сектор истмата. Они долгое время тянули, три или четыре месяца, обещали провести обсуждение, но так и не провели. Всячески отмалчивались, но один раз секретарь сектора истмата сказала мне: «Понимаете в чем дело, с вашей работой все не очень хорошо, у вас все написано по существу, а нам этого не нужно. Нам нужна философия». Я так и понял, что философия — это когда не по существу. А когда по существу — это не философия. И в этот день пребывания в Москве я случайно побывал в Институте этнографии. Я там часто бывал, потому что работа «Возникновение человеческого общества» построена не только на археологическом, но, главное, на этнографическом материале. Вот тут я увлекся этнографией, используя этот этнографический материал. Я встретил Георгия Францевича Дебеца. Он спросил: «Как у вас там дела с защитой докторской

¹⁰ Железногорск — город в Красноярском крае, созданный вокруг Комбината № 815, комплекса по производству оружейного плутония. В 1964 г. там был введен в действие подземный радиохимический завод для переработки облученного урана.

диссертации?» Я ему сказал: «Вот, сегодня я такой ответ получил». Он сказал: «Ну что вы с этими кретинами связались! Вы защищайте у нас в Институте этнографии. Получите степень все-таки настоящих наук, исторических, а не болтологических наук». Я ему сказал: «Георгий Францевич, ведь не вы решаете, решает-то Сергей Павлович Толстов» — «Ну хорошо, я с ним поговорю».

Я на следующей неделе снова был в Москве, в Институте этнографии. Дебеца я не искал. По разным причинам. Понимаете, я убедился, что когда разговариваешь с москвичами, они могут тебе все пообещать и ничего не сделать. Может, думаю, Дебец также. Это раз, а во-вторых, не успел поговорить, мало ли каких дел... Он меня отыскал и сказал: «Юрий Иванович, Сергей Павлович говорит: защищайте диссертацию. Работа великолепная. Так что у меня никаких возражений нет». И там тут же назначили обсуждение диссертации на группе методологических проблем. Где-то через неделю. Собрался этот, не сектор конечно, а группа, там выступили крупнейшие специалисты. И вывод был простой, конечно, это настоящая диссертация. Дебец сказал: «Это не просто докторская диссертация, мало сказать докторская диссертация. Это выдающаяся докторская диссертация!» А когда обсуждение кончилось, Сергей Павлович обратился к секретарю Ученого совета Института. Повторяюсь, что тогда еще не было совета по защите. Он спросил ее: «Когда будет защита?» Она сказала: «Примерно девятая очередь, где-то ноябрь, возможно декабрь». Сергей Павлович сказал: «Ставьте на июнь». Она сказала: «У нас же в июне советов нет» — «Назначь» — «Ну подождите, Сергей Павлович, ведь в июне у нас все ведущие сотрудники разъезжаются по полевым работам». — «Ничего, задержатся». Это ведь о чем: он не хотел, чтобы кто-то обиделся, что из-за меня диссертация переносится.

В июне состоялась защита, я защитил, в этот раз защита была все-таки уже обычная, нормативная защита. Хотя были и голоса против, как полагается. Вот так, а после защиты Сергей Павлович сказал: «Работа Семенова вышла тиражом 500 экземпляров. Этот выдающийся труд заслуживает, чтобы его издавали тысячами, и поэтому предлагаю совету проголосовать за то чтобы «Наука» издала его огромным тиражом». Но надо сказать, это был 1963 год, но в 1964 г., как вы знаете, с Сергеем Павловичем произошла беда, у него случился второй инсульт. Первый он пережил и не потерял умственных способностей. Но что касается второго инсульта, это был конец его научной работы, и потом он 12 лет, как вы знаете, он жил уже, не работая. А он готовил вот этот седьмой конгресс этнологов и антропологов, он меня назначил руководителем группы теории этнографии и руководителем семинара по Моргану (на VII МКАЭН в Москве в 1964 г.). Когда он отошел от научной работы, меня оставили заведующим вот этой самой группы, то есть сектора, и я работал прекрасно. А что касается семинара по Моргану, то его поручили ленинградскому этнографу очень крупному, я не возражал, мне было все равно.

С.А. А Толстов что был за человек, вы с ним близко знакомы были?

Ю.С. Нет. Одно могу сказать: в Институте этнографии была великолепная библиотека, а жил я в Рязани, и вполне понятно, что мог пользоваться тогда, когда был в Москве. И я в первый раз обратился к нему с просьбой, чтобы мне выдавали литературу на дом, в Рязань. А я ее буду через две недели возвра-

шать. И он написал распоряжение, это, пожалуй, ни один директор бы не сделал. Ну потом, как видите, его выступление... А так, близких отношений у нас не было. С Дебецем как-то были хорошие отношения. Некоторые упрекали его в несколько начальственном тоне, так оно и было: «Ставьте на июнь и все... Ах, они не хотят, уедут, ничего, задержатся!». Так что он был начальник настоящий. Возможно, если бы он остался директором, он попросил бы меня перебраться в Москву и работать в Институте этнографии, но это догадки, не более того, скорее всего так бы и было. Но после его инсульта, книга моя вышла не в 1964, а в 1966 г. И когда составляли рекламу этой книги, то там были такие слова: «Как возникло человечество». И в издательстве решили, что лучше назвать ее так. «Возникновение человеческого общества» слишком тяжеловесно. А тут рассчитано на весь народ — «Как возникло человечество». Мне предложили сократить эту книгу, и тогда мне заплатят гонорар, а если я буду настаивать, чтобы книга вышла в том же объеме, гонорара я не получу. И я сказал: «Хорошо, обойдусь без гонорара». И она вышла тиражом где-то около пятидесяти тысяч экземпляров. И название было такое заманчивое, что она довольно быстро разошлась.

С.А. Какой отклик был на нее?

Ю.С. Всякие были отклики. В этнографической литературе были положительные, в философской были довольно-таки вялые и даже отрицательные. Всякое было. Но надо сказать, что она была включена, между прочим, в списки обязательной литературы всех исторических факультетов всех университетов и педагогических институтов. А самое, пожалуй, любопытное, уже в новом веке, где-то в 2002 г. мне позвонил директор библиотеки, которая называется Историческая публичная библиотека. И попросил разрешения эту книгу переиздать. Я был страшно удивлен. С тех пор, я говорю, прошло почти половина века, сделано множество открытий. А вы предлагаете издать книгу, которая вышла полвека назад. А он мне ответил: «Дело в том, что книга пользуется спросом. Ее сейчас без конца спрашивают, а нам нечего выдавать. Книга вся истрепалась, и мы не можем дать ни одного приличного экземпляра. Так что видите, у меня чисто такой, как говорится, простой интерес, хочу, чтобы мы выдавали эту книгу. Вот потому и прошу, чтобы вы разрешили». Я сказал: «Перерабатывать я ее не буду. Я только напишу предисловие и примерно 10–12 дополнений. Я познакомлю с некоторыми новейшими открытиями». Они согласились. Я сделал все это, и книга вышла. По-моему, в 2003 г. (Семенов 2002). Но тиражом 500 экземпляров.

Расшифровка текста — Д.А. Москвина, М.Э. Сысоева

Литература

Блинов А. И. Маорийские войны // Океанийский этнографический сборник. М.: Издательство АН. СССР, 1957. С. 3–86.

Золотарев А. М. К истории ранних форм группового брака // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 2. М., 1940а. С. 144–169.

Золотарев А. М. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука // Историк-марксист. 1940б. № 12. С 27–46.

Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: ГПИБ, 2002. 2. изд., с новым предисл. и прил.

Interview

Alymov S. S., Semenov Yu.I. Unfinished interview [Neokonchennoe interv'iu] *Anthropologies*, 2023, no 1, pp. 158-173, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/158-173>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alymov Sergei Sergeevich | senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS | alymovs@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>

Abstract

S.S. Alymov's interview with the philosopher, ethnographer and historian Yu.I. Semenov discusses the biography of this scholar. It is unfinished, as the continuation of the conversation was prevented by the death of this outstanding scientist. Semenov talks in detail about his childhood, his interest in history and his development as a philosopher and specialist in the history of primitive society at the universities of Krasnoyarsk and Tomsk. The interview ends with the story of the defense of his dissertation at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR and the publication of his book «The Rise of Humanity».

Keywords: history of ethnography, Yu.I. Semenov, history of primitive society, primitive society, philosophy in the USSR

References

Blinov, A.I. 1957. Maoriiskie voyny [Maori Wars]. *Okeaniiskii etnograficheskii sbornik*. М.: Izdatel'stvo AN. SSSR: 3–86.

Semenov, Yu.I. 2002. *Kak vzniklo chelovechestvo* [The Rise of Humanity]. М.: GPIB,

Zolotarev, A.M. 1940a. K istorii rannikh form gruppovogo braka [On the history of early forms of group marriage]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*, 2: 144–169.

Zolotarev, A.M. 1940b. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva F. Engelsa i sovremennaya nauka [«The origin of the family, private property and the State» by F. Engels and modern science]. *Istorik-marksist*, 12: 27–46.

